

ПЕОНИД БЛЯХЕР

ИСКУССТВО НЕУПРАВЛЯЕМОЙ ЖИЗНИ

ДАЛЬНИЙ ВОСТОК

ТЕТРАДКИ GEFTER.RU

Тетрадки Gefter.Ru

Леонид Бляхер

**Искусство неуправляемой
жизни. Дальний Восток**

«Европа»

2014

Бляхер Л.

Искусство неуправляемой жизни. Дальний Восток / Л. Бляхер — «Европа», 2014 — (Тетрадки Gefter.Ru)

Жизнь России за пределами ее видимости из центра, вне отчетов и бюджетов. Сила неуправляемой жизни и ее роль в новой реальности Дальнего Востока – предмет размышлений Леонида Бляхера. Автор предлагает встречать дальневосточную реальность «глаза в глаза», признавая стремление человека к поддержке ближних. Тяга к солидарности без внешних насильственных регуляторов ляжет в основании нового единства страны. Выстроенного не «сверху», а от людей в их обычной активности. Для этого нужно немногое – дать реальности заговорить собственным языком. Леонид Бляхер – доктор философских наук, профессор Тихоокеанского государственного университета. Главный редактор журнала «Полития». Исследует неформальные отношения в политике и бизнесе и их легальные отражения.

© Бляхер Л., 2014

© Европа, 2014

Содержание

Предисловие	5
Часть I	10
Глава 1	10
Казус Европы: экономика как статусно нагруженная сфера	10
Проблема политического перевода	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Леонид Бляхер

Искусство неуправляемой жизни. Дальний Восток

Предисловие

*Улица корчится безъязыкая —
ей нечем кричать и разговаривать.*

В. Маяковский

Одним из самых поразительных открытий, свершившихся в последние десятилетия, стало открытие множества России. О другой России (отнюдь не об оппозиции) заговорили давно, уже в первой половине 1990-х годов. Россия «русскоязычных» жителей бывших советских республик и Россия российских регионов, Россия потерянная и Россия криминальная. Да, много еще разных скрытых стран и народов, проживающих на одной территории. Эти «разные страны» под влиянием ветров демократии стали обретать голос, стали спорить и решать на самых разных площадках, от площадки перед поссоветом до Верховного Совета последнего созыва.

Голоса эти были отнюдь не благозвучным пением ангелов грядущей демократии. Гораздо чаще они были грубыми, хриплыми и мало похожими на выступления европейских парламентариев. Но у них было одно важнейшее достоинство: они были голосами России, ее разных и очень разных жителей. За невнятность этих голосов стоит сказать спасибо артикуляторам общественного мнения, которые в тот момент артикулировали что-то совсем иное. При этом были искренне удивлены, когда оказалось, что артикулировали они не интересы старой или новой власти, не хриплые голоса «почвы», а выдуманный, вымечтанный ими объект.

Правда, потом, под победный грохот выстрелов по Белому дому в 1993-м, разговоры о разных Россиях отошли несколько в сторону, переместились из жизни в «исследование жизни». Так часто случается: когда нечто исчезает из жизни, его непременно начинают исследовать, реконструировать и толковать. В рамках регионалистики и изучения проблем федерализма, в рамках антропологических и этнографических штудий эти разговоры продолжались. Но продолжались они главным образом в академических аудиториях, в минимальной степени затрагивая толщу публичной речи, сознание основной массы жителей. Точнее, шел более или менее быстрый процесс вытеснения этих разговоров из легального и общего пространства в резервацию, ставший особенно стремительным в текущем столетии.

Да и сами эти разговоры были отнюдь не простыми, даже на уровне попыток научного описания. С одной стороны, ученые видели гигантские различия в образе жизни, типах хозяйствования, климате, кулинарных особенностях, эстетических пристрастиях, вплоть до цвета глаз и волос жителей Калининграда и Владивостока, Краснодара и Архангельска. С другой стороны, попытка их как-то объективировать чаще всего с треском проваливалась. Массовые опросы, контент-анализ прессы, да и статистические данные вполне укладывались в общую картину. Выламывающиеся из картинки элементы существовали на периферии смыслового поля.

Причина в целом достаточно очевидна. После расстрела парламента в 1993 году различия разных частей России уходят в тень. Они простирались в широких пределах от особенностей двойной бухгалтерии и устного найма до специфики криминальных крыш, разборок, властной

дистрибуции, организации бизнеса и социального взаимодействия. Но многочисленные исследователи нашего «неформального всё» были сосредоточены более на фиксации несовпадения формальных принципов и неформальных правил. Веселая неформальность казалась важнее и интереснее, нежели описание ситуации, где неформальное и формальное слиты воедино. В результате реальность российской «живой жизни», точнее реальности, осталась несказанной. Важно и то, что в силу особенностей, о которых пойдет речь в книжке, она (реальность) и не особенно стремилась быть сказанной.

Эти очень разные, но главным образом неформальные отношения персонифицировались в фигурах «региональных баронов» – губернаторов 1990-х годов. Тех самых, которые «перегибы и произвол на местах». Тех самых вполне самовластных владык. Но при всем их могуществе в легальной и легитимной сфере они были только чиновниками, правда, всенародно избранными, то есть по уровню легитимности равными, скажем, президенту страны. Практически, будучи «императорами в своем королевстве», эти «императоры» оказались так и не способными создать легальный легитимизирующий дискурс. Достаточно тонкие и по-своему изящные попытки создать такой язык¹ отторгались региональным сообществом как «чужие».

Предельно разные регионы, да и не только регионы России, обладали одним общим языком, идущим из центра. Разная реальность втискивалась в этот язык – и научный, и публичный, – воспринималась только через него. Иных форм презентации просто не оказывалось. Единый язык, существуя по законам семиотически упорядоченной совокупности текстов, создавал плотную стену смыслов, заслоняющих реальность и от взгляда исследователя, и даже от взгляда жителя. Реальность за пределами единого языка оказывалась непоименованной, а значит, неисследуемой и нефиксируемой.

В условиях, когда различия не столь существенны, такой единый язык скорее благо. Он позволяет легче осуществлять коммуникацию, согласовывать интересы. То, чем во имя нее жертвуют, в этом варианте оказывается не особенно существенным. Однако в варианте значимых различий, в варианте конфликта интересов общий язык, выработанный вне переговоров и согласований, превращается в «прокрустово ложе». Но иного языка и коммуникации, и самоописания просто нет. Неформальная реальность, не только экономическая или политическая, но и любая другая, продолжала «корчиться безъязыкая». Потому при опросах люди воспроизводили ритуальные речевые формулы, почерпнутые из последних телепередач. А интерпретаторы вычитывали из них привычные смыслы.

В результате, в отличие от ситуации в Империи Христиан после Вестфальского мира, «короли» оказались слабее императора.

Возглавляемые ими региональные сообщества попросту проиграли конкуренцию федеральному бюджету, одухотворенному нефтью и идеей спасения России. Слабые попытки построить «региональную идеологию» конца 1990-х годов были с легкостью раздавлены официальным дискурсом, использующим все ресурсы советского идеологического наследия и мощь федеральных трансфертов.

Региональная реальность, которая и в начале, и в конце 1990-х годов была близка к тому, чтобы обрести голос, была окончательно вытеснена из публичной сферы. Но, оказавшись без голоса, она не исчезает. Ведь условия жизни, условия коммуникации, вплоть до привычки ездить за вещами в Польшу, Турцию, Монголию или Китай, остаются прежними. Остаются прежними и социальные сети, пронизывающие каждую пору социальной ткани страны.

Их невидимое существование проявляется в классических формах – в оппортунизме, в тактике избегания встречи с властью, в стремлении регионов перенаправить федеральные трансферты из бессмысленных (для регионов) сфер в «правильные» (для регионов же). Этот

¹ Политика и культура в российской провинции / ред. С. Рыженков, Г. Люхтерхандт– Михалева, А. Кузьмин. СПб. – М., 2001.

«скрытый гул», проявлявшийся в самых разных формах на протяжении всех «нулевых» годов, стал прорываться на поверхность, как только сияющая нефтегазовая пленка, охватившая страну, ставшая символом ее единства, начала истончаться.

На поверхности выступили уже четыре России Натальи Зубаревич². Россия столиц и мегаполисов, Россия малых городов и деревень. В очереди стоит гораздо больше. Недавно, как Колумб Америку, Россия с помощью Юрия Плюснина³ открыла для себя мир «отходников». Усилиями петербургских социологов из Европейского университета мы вот-вот откроем *urbi et orbi* загадочную реальность МВД. Все четче проявляются различия территорий. Казалось бы, в чем трудность? Есть разные миры, сосуществующие в одном политическом пространстве, в одной стране. Каждый из них обладает своей правдой, своей рациональностью. Соотнести их, выработать общие и взаимоприемлемые принципы взаимодействия – и нет больше Пиренеев.

Тут-то и возникает проблема. Все эти реальности «молчат». Их описание – всегда описание внешнее. Они в большей или меньшей степени, в зависимости от такта и проницательности исследователей, трансформированы актом описания, чужим языком. Принимая чужой язык описания, реальность невольно, как и в варианте с единым «федеральным» дискурсом, вытесняет за пределы видимого то, что в этот язык не вписывается. Все бо́льшая часть реальности оказывается в непоименованном пространстве.

Более того, само описание здесь оказывается без адресата. Властный дискурс его отторгал как чужое. Региональный же вариант не видел особой разницы между тем и другим «книжным» видением. Но то, что в отсутствие своего слова эти реальности смогли быть увиденными хотя бы наиболее внимательными исследователями, говорит о том, что общее слово вытесняет не случайное, факультативное, а сущностное содержание реальности. Сегодня это отсутствие языка все активнее прорывается в сепаратистских настроениях, в уверенности, что «Москва нас ограбила».

Ведь если вербализация, переговоры невозможны, то неизбежно возникает желание прекратить коммуникацию. Задача дать этому непоименованному миру язык пока просто не ставилась. В результате мир России начинает складываться из разных, но не осознающих свою разность сообществ. Невозможность эту разность выразить приводит к тому, что ее «выражают» другие. А взгляд соседа хоть и пристальный, но далеко не всегда доброжелательный.

Как говорят социологи, «чужая культура всегда грязная». В результате отличие разных миров были осмыслены не как другие, но как испорченные свои. Боль одного региона почти никогда в новейшей истории России не находила адекватной реакции у соседей. Так, катастрофические пожары на Дальнем Востоке 1998 года, в ходе которых сгорело более двух миллионов гектаров леса, полностью прошли мимо информационного поля России, массовые народные выступления на Дальнем Востоке 2007–2008 годов отразились в целых трех публикациях за пределами региона.

Выступления эти были в них «адекватно» оценены как «подготовленные и проплаченные криминалом». Стоит ли удивляться, что столичные приключения образца 2011 года остались для большей части регионов «движухой зажавшихся москвичей». Разные, но не осознающие свою разность регионы, социальные и профессиональные общности не могут договориться. Нет языка, на котором они могли бы выразить себя. Молчит реальность, по поводу которой нужно договариваться. Потому ей и необходим «стальной каркас» власти. Ведь власть из необходимой сферы сервиса превращается в сферу господства в тот момент, когда мы теряем способность или возможность договариваться сами.

Более того, задача «сказать регион» зачастую до настоящего времени воспринималась как чудовищная крамола, как посягательство на святое, на единство. Пламенных защитников

² Зубаревич Н. В. Регионы России: неравенство, кризис, модернизация. М., 2010.

³ Плюснин Ю. Отходничество в современной России // Отечественные записки. 2012. № 5 (50).

единства в таком варианте, когда большая часть населения просто лишена голоса (не права голосовать, но возможности сказать о себе), сегодня более чем достаточно. Но, как представляется, именно этот путь – дорога в распад, повторение пути СССР.

Разные территории, разные люди, «склеенные» с помощью ОМОНа, даже без идеологической анестезии просто распадаются при ослаблении властного давления или взрываются при его сохранении без массивных финансовых вливаний. Гораздо более продуктивным, далеко не гарантирующим успех, но содержащим в себе его возможность представляется иной путь. Путь, при котором разность не просто признается и постулируется, но разноречие, разномыслие становится основой для выработки нового единства, нового общего языка. Ведь общего у нас, на самом деле, очень много, а о разном при наличии языка можно договориться. Это путь к другому единству. Не единству кнута и страха, а единству взаимного интереса, согласованных принципов бытия. Почти трюизмом сегодня стала мысль, что Россия, возникшая в 1990-е, будучи небывалым, новым политическим, да и культурным образованием, в этом качестве ни разу осмыслена не была. К новой стране прикладывались самые разные маски – от советской до дохристианской. Но в каждом случае это были маски, скрывающие, а не организующие пространство.

Эта книга тоже отнюдь не решение проблемы, но маленький шаг в обозначенном направлении. Я попытаюсь сквозь дебри статистики, сквозь множество строгих и нестрогих объяснений, сквозь устоявшиеся социальные и политические фобии самих же жителей региона и его внешнего окружения прорваться к одной из территорий страны – к Дальнему Востоку России. Не потому, что эта Россия более значима, чем другие. А только потому, что я живу здесь, хожу по этой земле, люблю ее. Потому что я хочу, чтобы она заговорила своим голосом. Одним из многих.

Голосом по определению невнятным. Ведь речь идет о том, для чего слов еще не придумали. Да и сами жители региона за десятилетия пения чужими голосами привыкли думать о себе и своей жизни хуже, чем она есть на самом деле. Привыкли просить или ругать «начальство», что в равной степени бессмысленно. Уже на стадии обсуждения этой книжки и ее отрывков, выложенных на сайте gef.eg.ru, среди самых разных откликов были возражения типа: а ты уверен, что люди, принимающие решения, прочтут эту книжку?

Отвечу сразу: людям, «принимающим решения», я эту книгу и не адресую. Более того, я адресую книгу не только и не столько моим коллегам по цеху. Эта книга для тех, кто задумывается, как сказать реальность, как в этой реальности действовать. В первую очередь эта книга для тех, кто говорит и думает. Ведь именно от них, от их усилий зависит то, появится ли у регионов, у страны голос, голос свободных людей, договаривающихся о правилах совместной жизни с другими свободными людьми.

Но если этот голос состоится, как и другие голоса других регионов, сообществ, групп и группочек, то возникнет уникальная возможность – договориться. Не сконструировать мудрым полит-технологическим ходом в духе В. Суркова, а создать новое целое, новую сущность – Россию.

Несколько слов стоит сказать и о композиции этой книги. Она составлена из разных, хотя и концептуально связанных между собой статей. Но статьи эти писались для разных аудиторий, печатались в разных журналах. От жестко академических журналов до вполне публицистических изданий. Потому и различается стиль изложения, хотя я и приложил массу усилий для сглаживания этих различий. Чтобы несколько упростить задачу моим потенциальным и, без сомнения, уважаемым читателям, сразу оговорюсь. Тем, кого интересует этнографическая составляющая книги и ее общественное звучание, стоит начать чтение со второй части книжки. Тех, кого интересует политическая теория (вдруг найдутся и такие), прошу сосредоточиться на первой части изложения. Тех же, кто хотел бы понять, для чего, собственно, автор решил

отнять несколько часов его уникальной жизни, очень прошу проявить терпение и снисхождение и прочесть этот небольшой текст полностью и не очень быстро.

Эмпирическим основанием для моих вполне спекулятивных рассуждений стала коллекция биографических интервью, собиравшихся с 1994 по 2013 год среди жителей Дальневосточного региона. На разных этапах в центре внимания оказывалась внутрорегиональная миграция (грант фонда «Культурная инициатива», 1994 год), криминальный мир региона (грант МОНФ, 1998 год), бизнес-сообщество во взаимодействии с региональной властью (гранты Фонда Форда, 1999; фонда «Институт «Открытое общество», 2000; МОНФ, 2001; РФФИ, 2003; РГНФ, 2005; ФЦП «Кадры», 2011). Структура повседневности населения южной части Дальнего Востока исследовалась в 2010–2013 годах при поддержке РФФИ, ФЦП «Кадры» и фонда социальных исследований «Хамовники». Дополнительным источником региональной информации стал мониторинг социального самочувствия населения Хабаровского края, проводимый при поддержке правительства Хабаровского края при участии и под руководством автора в форме анкетного опроса по постоянной выборке. При работе над текстом мы ориентировались и на опросы, проведенные соискателями, ныне кандидатами наук, работавшими под руководством автора этих строк. Опросы проводились в Камчатском и Приморском краях, Еврейской автономной области, Амурской области. Далеко не все материалы включены в книгу. Но каждый из результатов я попытался учесть в своей попытке «сказать регион». Насколько она была удачной, судить Уважаемому Читателю.

Мне же остается выразить благодарность людям, так или иначе имевшим отношение к этой книге. Г. О. Павловскому, без инициативы и поддержки которого я не решился бы на написание этой книжки. Отдельная благодарность профессору Иркутского университета В. И. Дятлову и доценту того же вуза К. В. Григоричеву. Именно их усилиями сложился уникальный коллектив людей, представляющих крупнейшие научные центры страны от Омска до Владивостока, который и дал возможность увидеть разные лица России, услышать ее голоса.

Важным посылом для написания этого текста стали беседы с С. И. Каспэ и А. Ф. Филипповым, в ходе которых уточнялась авторская позиция. Очень многое из того, что нашло отражение на этих страницах, родилось в беседах с замечательным питерским социологом Э. Л. Панеях и замечательным хабаровским философом В. П. Чернышевым. Много важных для меня идей я тихо позаимствовал у С. Г. Кордонского и В. В. Волкова. Существенные элементы предлагаемой в работе модели регионального развития в постсоветской России я позаимствовал из работ Ю. С. Пивоварова.

Огромную помощь в сборе эмпирического материала мне оказали мои аспиранты, а сегодня вполне самостоятельные исследователи С. А. Соловченков, Н. А. Пегин, Е. В. Галкин, Т. А. Лидзарь и Д. И. Канарский.

Я благодарен также редакциям журналов «Полис», «Полития», «Отечественные записки», «Политическая наука», «Гефтер», на страницах которых ряд положений, представленных в книжке, прошел апробацию. Очень многое в этой книге не появилось бы или выглядело бы иначе, если бы не мои дорогие друзья, лучшие представители дальневосточного бизнеса, знающие, что такое честь, ответственность и дружба. Именно их критика моих «кабинетных соображений» была для меня наиболее важна. Я благодарен тебе, любимая. Без тебя бы ничего не было.

Леонид Бляхер

Часть I

Мир глазами региона

Глава 1

Европейский казус и неевропейские политии

Мы разделяем интеллектуальность и язык, но в действительности такого разделения не существует.
Густав Шпет

Любое описание «особенностей», так или иначе, предполагает и наличие хотя бы эскизного очерка того мира, в котором эти особенности проявляются. О том, что Дальний Восток – особый регион, писалось уже множество раз, в том числе главным до недавнего времени дальневосточником Виктором Ишаевым⁴. Однако стоило от деклараций особенности перейти к описанию, как перед нами оказывалось вполне типичное региональное образование. Вероятно, проблема в том, что любое подобное описание представляет собой попытку приложить к территории и территориальному сообществу некоторую изначально заданную схему, встроить сообщество и территорию в некий инвариант. Такое внешнее описание бессмысленно для региона, не воспринимается им.

Ведь если оно совпадает с уже сложившимся самописанием региона, то оно излишне. Если же не совпадает, то с региональной точки зрения оно ложно. Когда же само описание регионом себя отсутствует, то любое внешнее описание возможно, но, увы, недействительно. Действительным оно становится только при принятии его самим сообществом. Для внешнего же окружения это дорога к самым глубоким и устойчивым заблуждениям. Внешняя модель, которая настолько широка, что способна включить в себя все мыслимое разнообразие, чаще всего оказывается моделью ничего, пустоты, беспредельной и бессмысленной. Но любая другая, менее общая картина становится насилием над реальностью.

Именно поэтому я начну свое повествование, пожалуй, с попытки выйти за стандартный категориальный аппарат описания. Для чего? Ну, хотя бы для того, чтобы избежать пути, где описание регионального своеобразия *уже не* состоялось. При этом «выход за пределы» сложившегося базового алгоритма описания отнюдь не отменяет самого алгоритма. Скорее, наш подход представляет собой некий вариант пролиферации П. Фейерабенда⁵, умножения подходов, дополнения к уже существующему представлению. Я попробую не с высот мирового центра взглянуть на далекую периферию, но окинуть своим вполне периферийным взглядом внешний мир, простирающийся за пределами одной третьей части России, одной седьмой части суши. Словом, посмотреть на мир из региона, наделить его региональными смыслами. Засим и приступим.

Казус Европы: экономика как статусно нагруженная сфера

Приступая к описанию мира глазами одного из «особых регионов России», нельзя избежать хотя бы беглого выражения своего отношения к уже существующему языку описания, главным образом политологическому языку. Именно этот язык чаще всего применялся, если

⁴ Ишаев В. И. Особый район России. Хабаровск, 1998.

⁵ Фейерабенд П. Против метода. Очерк анархистской теории познания / пер. с англ. А. Л. Никифорова. М., 2007.

использовался вообще какой-то категориальный аппарат при попытках помыслить «федерализм», описать различия пространства внутри страны, да и за ее пределами. Именно в нем возникают мировой центр и мировая периферия, стремление расставить очень разные страны и народы в жестком иерархическом порядке.

Собственно, поэтому классический аппарат политического анализа из учебников и мейнстримных текстов подходит не особенно. Политология как наука возникла и развивалась в рамках вполне определенных, прежде всего западноевропейских политических систем. Ее концептуальный аппарат настроен на эти системы, их анализ. Во всяком случае, если говорить о политологическом мейнстриме XX столетия, а не о «совсем классиках» (Аристотеле, Гоббсе).

Этот инструментарий и переносился на исследование *любых* политических систем, политических систем как таковых. Воспринимался как универсалистский подход. Собственно, попытки использования этого инструментария для описания российских регионов уже предпринимались⁶. Но описание это предполагало поиск в региональном материале вполне конкретных проявлений и сущностей. Если они не обнаруживались (а они не обнаруживались), то делался неожиданный вывод об «отсутствии». Там, в регионах, странах и т. д., нет демократии, нет правового государства, нет эффективно работающего легального рынка. Там много чего нет. Но вопрос, а что там есть, как то «провисал». Такая фиксация «отсутствия» стала достаточно распространенной практикой в регионалистике⁷.

Другой стратегией описания регионального своеобразия является бесконечное накопление фактографии, знание «почвы», то есть того, как и какое начальство дружит или не дружит с другим начальством. Кого и куда собираются назначить. Такое начальствоведение как альтернатива «поиску отсутствующего объекта» тоже выглядит не вполне адекватным поставленной задаче. Проблема здесь обратная той, которая возникает при универсалистском подходе. Начальствоведение не позволяет делать каких-либо сопоставлений, не позволяет выявлять более или менее устойчивые закономерности. Именно здесь политика России оказывается в прямой зависимости от того, сколько пил Б. Н. Ельцин или какими именно детскими комплексами страдает В. В. Путин. Региональная же политика жестко зависит от того, сколько «воровал» прошлый губернатор и сколько «ворует» действующий.

Для описания региональной реальности и мира в восприятии этой реальности нам необходим «третий» язык. Он, несомненно, исходит из региональной «почвы», где политика, экономика, культура пребывают в нерасчлененном единстве. Из той «почвы», где баня – вполне подходящая площадка для деловых переговоров, а у губернатора, если он не «москвич», и студента почти всегда найдутся общие знакомые.

С другой стороны, такой язык «знает» о наличии универсалистского языка описания и его категориальном аппарате. Подобный язык может быть, как мне кажется, обретен при рассмотрении «неевропейских» политий, где подобный синкретизм является нормой. К краткому очерку этого типа политий, «перевода» их на язык политологических универсалий мы и обратимся.

Однако и он сегодня построен на специфической системе категорий, рожденной уникальным опытом Запада, опытом становления и самоописания территориального государства и его политики. Как отмечал С. И. Каспэ, «Запад, конечно, не весь мир, но понять мир, не учтя уникальность Запада, сегодня невозможно»⁸. К европейскому казусу, понимая, что он только казус, хотя и предельно значимый, мы и обратимся. Ведь территориальность, ставшая мировой нормой в прошлом столетии, до того была прерогативой только Европы и ее высе-

⁶ Бляхер Л. Е. В поисках отсутствующего объекта / Третий электоральный цикл в России / под ред. В. Я. Гельмана. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2007 // Полития. 2007. № 3. С. 158–163.

⁷ Туровский Р. Ф. Центр и регионы: проблемы политических отношений. М., 2006.

⁸ Каспэ С. И. Центры и иерархии: пространственные метафоры власти и политическая форма Запада. М., 2007. С. 5.

лок. И мусульманский мир, и Серединная империя, и уж тем более африканские политические образования были организованы на совершенно иных основаниях. Государство как абсолютное господство на ограниченной территории – гениальная выдумка Европы XVII столетия⁹. Как и связанные с этой выдумкой идеи народа, нации и т. д.

Не вдаваясь в перипетии становления территориального государства эпохи модерна, остановлюсь лишь на одной из возникавших в ходе данного процесса проблем. Кадровой. Сталинский посыл о том, что «кадры решают всё», был для означенной эпохи предельно актуален. Для утверждения территориального государства в качестве локального «центра силы» и организующего начала требуется не только силовой ресурс, но и наличие в обществе материального ресурса, который можно изъять без фатальных для этого общества последствий. Соответственно, необходимы люди, которые бы создавали добавочный ресурс, а также люди, способные контролировать его изъятие и организовывать само государственное пространство. Другими словами, нужны предприниматели и бюрократия.

Однако в структуре феодального государства как части Всемирной Империи Христиан ни первых, ни вторых не было. Королевские «управляющие» в округах (графы, сенешали, бальи, шерифы и др.) по самой сути своего правления не были пригодны для единообразного осуществления государственного правосудия. Ведь они, как и сам монарх, ориентировались на «высшую» справедливость и «Божий», а не королевский суд. Главное же, через контроль над округом они оказывались в известном смысле «равными» королю, получали доступ к тем самым ресурсным потокам, которые желало бы монополизировать новое государство. Кроме того, ресурсные потоки, идущие от крестьян, были слишком неопределенными, чтобы на их основе можно было строить хозяйственный расчет.

Особенно остро проблема добавочного продукта, а также инструмента его изъятия и поддержания «порядка» встала в XVII столетии, когда хозяйственный подъем, длившийся более двух веков, сменился тяжелейшим хозяйственным кризисом. Ресурсов становится не просто мало, но катастрофически мало. Изымать их частями (налогами) становится все труднее. Все сильнее искушение сильных мира сего просто отобрать все, что есть. А вместе с тем и прекратить процесс становления «стационарного бандита» (государства), воспетый М. Олсоном.

Но если таких предпринимателей и администраторов не было в системе феодальной монархии, это не означает, что их не существовало в принципе. В городских республиках, особенно южных, средиземноморских, в избытке имелось и то и другое. Не были ими обделены и королевские города – Лион, Бордо, Неаполь и т. д. «...Территориальные государства, присоединявшие к себе все, что попадется под руку, оказывались неспособными самостоятельно использовать приобретенные ими богатейшие экономические ресурсы, – констатирует Ф. Бродель. – Это бессилие оставляло лазейку для городов и купцов»¹⁰. Указанная лазейка открывалась еще и потому, что и предприниматели, и представители городской бюрократии, перешедшей на службу государству, были людьми «не благородными», то есть по определению не выступали альтернативными «силовыми предпринимателями» и конкурентами государства. Они, как всякие агенты, «светят» только отраженным светом, идущим от принцепала – власти.

Ведь даже подеста итальянских городских республик был наемным слугой, а не властителем, не говоря уже о должностных лицах королевских городов и тем более купцах или промышленниках. Описывая французских (королевских) купцов, венецианский посланник XVI века М. Суриано отмечал: «Никакими преимуществами и достоинством они не пользуются, потому что всякая торговая деятельность считается предосудительной для дворянства»¹¹. Подобных

⁹ Тилли Ч. Принуждение, капитал и европейские государства. 1990–1992 гг. М., 2009.

¹⁰ Бродель Ф. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II. Часть II. М., 2002. С. 79.

¹¹ Цит. по: Хрестоматия по социально-экономической истории Европы в Новое и Новейшее время / под ред. В. П. Волгина. М. – Л., 1929. С. 126.

людей и привлекало государство. Они не правили, но исполняли. Они богатели, чтобы кормить государство. Но тем самым государство, даже не всегда желая того, допускало личную инициативу и личный риск, допускало определенное пространство свободы. Ведь без этого пространства нечего будет изымать, да и некому это делать.

Становление экономики как ведущей сферы общественного бытия в европейских странах происходило довольно медленно – и по «театральному принципу» («те же и Софья»). Постепенно из нужной, но второстепенной отрасли, из проворной служанки экономика превратилась в величавую госпожу, подмяв под себя все другие социальные сферы, обесмыслив прежде значимые деяния и стратегии поведения. Изменения XIII–XVI веков привели к появлению в период «длинного XVII века» еще одной шкалы социальной мобильности, связанной не с нормальной и привычной церковной или придворной карьерой (власть от Бога и власть по рождению), но с деньгами, промышленностью и торговлей, а также с местом в государственной бюрократической структуре.

Ее возникновение и дало возможность государству и государю утвердиться в качестве «императора в своем королевстве», преодолеть кризис. Наиболее выраженные формы этот процесс принял в северных странах – Англии и Франции, находящихся на периферии «цивилизованного мира» той эпохи. Однако сам механизм, который был использован периферийными династиями, сложился все же на Юге.

Юг, родина сильных торговых городов-государств, тоже не миновал кризиса. К судьбе этих городов – Венеции, Генуи, Флоренции и других – стоит приглядеться особенно внимательно. Именно там происходят важнейшие статусные изменения, ставшие образцом для всей европейской Ойкумены, задается «матрица» изменений, статусной мобильности.

Сама хозяйственная деятельность, прежде обладавшая лишь функциональной нагрузкой, наделяется здесь значимым и ценностно окрашенным социальным статусом. Богатство «новых итальянцев» инвестируется в статус (патриции). По свидетельству мыслителя XVI века Себастьяна Франка, «в могущественных и свободных городах» население делится на две категории: «простые горожане и родовитые, стремящиеся быть в некотором роде знатью и живущие на дворянский манер со своих рент и чиншей»¹².

Патрициат постепенно получает доступ к «настоящим» дворянским титулам. «Титулы на продажу» становятся одним из популярных товаров, поставляемых на рынок государством. Аристократия крови и аристократия денег сближаются. Экономическая деятельность, ранее выполнявшая сугубо техническую функцию, обретает (правда, не совсем «чистый») статус. При этом возникает новая хозяйственная «подпитка» традиционной социальной структуры.

Более того, заработанные в ходе торгово-промышленных операций средства в ряде случаев вкладываются не в новый хозяйственный цикл, а в земельные ренты, несколько менее доходные, вливаясь в традиционные формы хозяйствования. Таким образом, богатство, хотя пока и не вполне явно, оказывается социальным лифтом, способным качественно изменить статус его обладателя.

Несмотря на уникальность итальянского опыта, определенное взаимопроникновение аристократии, крови и денег мы можем обнаружить, пусть в меньшем масштабе, и во Франции, Испании, Англии. Знаменитые английские огораживания и французские откупа тоже были формой такого взаимопроникновения. Однако между Севером и Югом имелось и принципиальное отличие. Население южных городов не создавало новых статусов и не стремилось присвоить статусную структуру дворянства. Воспроизводилась традиционная цеховая структура с присущим ей набором статусов. Если же городской патриций оказывался достаточно сильным,

¹² Хрестоматия по социально-экономической истории Европы в Новое и Новейшее время / под ред. В. П. Волгина. М. – Л., 1929. С. 193.

он «вливался» в дворянство. То есть само по себе богатство еще не являлось источником статуса, но лишь позволяло его приобрести.

На Севере дело обстояло сложнее. Новый предприниматель, связанный с «мировыми» рынками, был сильнее цеха, но не дотягивал до уровня венецианского или даже гамбургского патриция, способного влиться в дворянство. Не менее важным было и то, что его деятельность в минимальной степени регулировалась местным сообществом. Он не занимал в нем какой-либо статусной позиции и не стремился его возглавить.

Он ломал или игнорировал его, ориентируясь на иные территориально– хозяйственные объединения и связи. Не случайно так негативно воспринимались владельцы мануфактур представителями традиционной цеховой верхушки. В результате купец или мануфактурщик (суконщик) не мог приобщиться ни к одной из существовавших в тот период статусных шкал, повисая в безвоздушном пространстве и тем самым лишаясь «социальной видимости», жизненного мира, возможности повседневной коммуникации.

Его коммуникация ограничивалась сугубо профессиональной, то есть технической. Он оказывался Робинзоном Крузо, даже не попадая на необитаемый остров. Но именно это его положение создавало в конечном итоге ресурс, позволявший обществу воспроизводить себя. Мануфактура и международная торговля становились средством не только личного обогащения, но и выживания общества. Богатей, новый предприниматель обеспечивал «работу тысячам», в то время как все остальные формы хозяйствования в лучшем случае поддерживали существование самих работников при минимальном уровне изъятия.

Но, являясь совершенно необходимыми для общества, новые предприниматели попадали в коммуникативную ловушку. Профессиональная коммуникация и коммуникация социальная существовали для них в пересекающихся пространствах. Не случайно в документах той эпохи купцы, промышленники чаще всего представляли странными либо даже враждебными «добрым людям» персонажами. В ходе профессиональной коммуникации они обретали средства к существованию и давали их другим. Для обретения статуса, видимости и понятности для других требовалась социальная коммуникация. Однако поскольку новые слои тратили все свои силы на хозяйственную деятельность, на социальные контакты их просто не оставалось.

Чтобы преодолеть собственную бесстатусность, предприниматель должен был... прекратить предпринимательскую деятельность или, по крайней мере, резко ее ограничить. В период появившегося досуга он мог, используя финансовый ресурс, вписаться в одну из имеющихся иерархий. Но этот путь был доступен для меньшинства. Ведь, прекратив деятельность, предприниматель лишался этого ресурса, одновременно лишая ресурса (налогов, рабочих мест) и общество.

Невозможность без потерь остановить производственный цикл и без его остановки вписать предпринимателей в существующую статусную иерархию постепенно превратилась в одну из серьезнейших проблем, стоявших перед «северными обществами». Удачные попытки организовать «союзы суконщиков» или «купцов-авантюристов» по типу старших цехов во Флоренции были немногочисленны.

Слишком большая часть данных обществ была задействована в процессе жизнеобеспечения, чтобы эти люди пребывали в положении социальных невидимок, маргиналов. Слишком много времени им приходилось посвящать хозяйственной деятельности, чтобы они могли «вписаться» в какую-то иную систему отношений, кроме производственных. Соответственно, необходимо было ценностно и статусно нагрузить то, что прежде было нагружено лишь функционально. Выходом стала описанная выше «матрица» конвертации богатства в статус.

И хотя «северные» предприниматели, по уровню благосостояния заметно уступавшие «южным», редко могли напрямую приобретать статус, наличие такой «матрицы» статусно окрашивало богатство. Присваивая себе «отраженный свет» традиционных статусов, богатство

постепенно вызывает к жизни новую иерархию – имущественную. Иными словами, оно формирует самостоятельную статусную шкалу, причем наиболее простую и безличную, а потому в наибольшей мере отвечающую обезличивающей природе территориального государства.

Таким образом, параллельно с промышленной и научной революцией происходит революция статусов. Появляется система статусов, производных от хозяйственной деятельности (с доходом и потреблением в качестве критериев), и ее религиозное оправдание (протестантизм). Конечно, связь протестантизма с капитализмом отнюдь не линейна, но сама возможность надежды социальным статусом имущества укоренена именно в нем. Нельзя забывать, разумеется, и о философских обоснованиях этой революции (Локк и др.). Однако подобные обоснования знаменуют собой не столько статусную революцию, сколько рефлексию над ее последствиями.

Несмотря на все существовавшие между ними качественные различия, статусы эпохи Средневековья обладали единой ценностной шкалой, базировавшейся на идее Спасения, понимаемой одинаково во всех социальных группах. Формирование новой шкалы дестабилизирует общественную структуру. Возникает множественность статусных позиций, общество распадается на сообщества, конкурирующие между собой, а Божий мир – на множество несводимых миров, в духе идей Джордано Бруно.

Именно для согласования интересов этих подвижных сообществ понадобились и «общественный договор», и Левиафан. Божий мир нуждался в подпорке в лице Земного бога – государства. Превращение хозяйства в автономную сферу, то есть в экономику, сделало необходимым выделение в таковую и политического. Стоит оговориться, что политическое для меня не конфликт, достигший уровня смертельного противостояния, в духе К. Шмитта¹³, но сфера, где возможно согласование интересов без доведения их до уровня фатального конфликта. По существу, экономика, подавив прежние виды солидарностей (цех, марка и т. д.) породила новые. Находясь в разрешенной государством области свободы, эти новые солидарности получают голос, становятся социально видимыми.

Выделение политического в качестве автономной сферы, с одной стороны, стабилизировало общество, но, с другой, породило потребность в некоей столь же автономной площадке, где могли бы вестись переговоры с Левиафаном. Ведь если Божий мир пребывал в гармонии и неизменности, то посюсторонний мир, начиная с эпохи Просвещения, постулировал свою изменчивость, развитие. Будущее осмыслялось в нем как некий идеал-проект, по отношению к которому настоящее – лишь переходящая ступень. Мы построим прекрасное и гармоничное будущее, но не сразу, потом. Изменчивость реальности требовала изменчивости и Левиафана. По крайней мере, с ним желательно иметь возможность договориться. Соответственно, необходимо пространство, где такие переговоры могли бы происходить. Этим пространством и становится публичная сфера. В условиях воспроизводящегося общества в ней, строго говоря, нет необходимости. При динамизме и постоянном изменении форм общественной жизни она жизненно важна.

Другими словами, экономика взращивает для себя политику и единую шкалу статусных позиций, основанных на богатстве. Из экономики вырастает система статусов, легитимируемых уже не религиозно, но политически. Сама же политика легитимируется, по крайней мере в идеале, через публичность, делегирование. Сакральная легитимность империй (от Бога, от Мирового порядка и т. д.) отходит на второй план. На авансцене оказывается общество, обретающее легитимность через утверждение себя... народом. Наподобие барона Мюнхгаузена, вытаскивающего себя из болота за косу.

¹³ Шмитт К. Понятие политического // Вопросы социологии. 1992. № 1. С. 37–67.

Проблема политического перевода

Сложившаяся в Европе система хозяйствования, ориентированная на развитие и посюсторонность, оказалась наиболее эффективной. Причина очевидна: в гонке она участвовала в одиночку. Экономика как автономная сфера в иных обществах не выделялась.

Несмотря на заинтересованность в торговле с Западом, Восток не создал ничего аналогичного европейскому производству и европейской политике¹⁴.

Его товары были в целом дороже, чем европейские. Это позволяло ему просто покупать блага технологического развития, не меняя социальной структуры. За пряности и благоволения легко приобретались свинец и пушки, ткани и стекло. Европа еще и доплачивала Востоку постоянную «дань» серебром. Политика же на Востоке тоже согласовывала интересы, но значительно более стабильные: интересы родовых и соседских хозяйственных объединений, которые выделяли из себя «политический класс» – или включали его в себя, если он отличался в этническом отношении.

Наиболее яркие примеры того, как чужеродный политический класс (кочевники) «осваивался» местным оседлым населением, дает, пожалуй, Центральная Азия. Хозяйство там – способ обеспечить нужды социальной организации, которая, в свою очередь, «завязана» на родовую и/или соседскую общину (авлод, махалля, племя, клан и т. д.). Кочевник (власть) нужен, чтобы обеспечить ирригацию и безопасность торговых путей для купцов и земледельцев племени. Подданные же нужны, чтобы кормить власть и поминать ее в молитвах. Это длится до тех пор, пока власть «угодна Богу», то есть выполняет свои обязательства перед родом или племенем. Все понятно и очевидно.

¹⁴ Поланьи К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени. СПб., 2002.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.